

Д.М. ВАЛОВА

*(Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия)*

УДК 821.161.1-32(Достоевский Ф. М.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444

ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА РАССКАЗА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Аннотация. Статья посвящена некоторым жанровым особенностям рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека». Исследователи творчества Достоевского предлагают разные и порой противоречивые жанровые определения: сон, притча, утопия, антиутопия. В первой части статьи рассматриваются утопические и антиутопические мотивы в рассказе, во второй – его связь со средневековым жанром видений. Рассказ сравнивается с классическими образцами указанных жанров, выделяются сходства и различия между ними. В данной статье делается вывод о том, что «Сон смешного человека» сочетает черты разных жанров, но ни один из них нельзя считать основным. Выдвигаются предположения о том, с какой целью автор обращается к этим жанровым формам и почему некоторые их черты исчезают или видоизменяются в рассказе.

Ключевые слова: Достоевский, жанр, видение, утопия, антиутопия, сон.

Исследователи творчества Ф.М. Достоевского предлагают разные определения жанра «Сна смешного человека», несмотря на то, что по авторскому определению его следует считать фантастическим рассказом. В.В. Савельева относит рассказ к жанру сна [Савельева 2013: 43]. Многие исследователи называют «Сон» утопией, а С.Ф. Мельникова даёт неоднозначное определение: «утопия (антиутопия)» [Мельникова 2002: 63]. О.В. Червинская, в свою очередь, считает рассказ притчей-параболой [Червинская 2012].

Действительно, «Сон смешного человека» объединяет черты разных жанров. В статье мы рассматриваем три из них: утопию, антиутопию и видение.

Поэтика утопии/антиутопии

Между сном смешного человека и утопией действительно можно найти определенные сходства. Во-первых, форма сна – одна из

распространенных форм описания утопии, в том числе и в русской литературе. Здесь уместно вспомнить рассказ Сумарокова «Сон “Счастливое общество”», главу «Сон» из повести В.А. Соллогуба «Гарантас», четвертый сон Веры Павловны из романа «Что делать?» Чернышевского. Другая, не менее популярная форма рассказа о идеальном обществе – путешествие. «Сон смешного человека» объединяет обе эти формы.

Герой видит утопию глазами чужака-приезжего и с удивлением описывает идеальный мир, в который попал, и счастливых людей, живущих в гармонии с природой, не знающих горя, болезней и войн.

Расположена утопия сна *«на одном из тех островов, которые составляют на нашей земле Греческий архипелаг»* [Достоевский 1983: 112]. На острове располагает свою Утопию и Томас Мор. Изолированность – одна из характерных черт утопии.

Дети жителей утопии являются «детьми всех». Это ещё один мотив, который нередко можно встретить в описаниях идеальных обществ, в частности, у Кампанеллы. К его «Городу солнца» отсылает также и то, как называет смешной человек утопийцев – «дети солнца».

Мир сновидения героя – это мир всеобщего единства, любви и радости. Однако руководит этим миром не разум, а чувство, что не характерно для большинства утопий. Обычно утопия старается регламентировать все стороны человеческой жизни, создать рай на основе логики. Идеальное общество – это прежде всего общество разумное.

Совсем иначе изображает идеальный мир Достоевский. Для него основой всеобщего счастья становится всеобщая любовь, отказ от эгоизма. Заметим, что в рассказе дважды подчеркивается тот факт, что сновидение не может строиться по законам логики, что сон связан не с разумом, а с чувством. Герой утверждает: *«Сны, кажется, стремят не рассудок, а желание, не голова, а сердце»* [Достоевский 1983: 108]. В связи с этим утверждением кажется неслучайным внимание, которое смешной человек уделяет способу самоубийства: если наяву он собирался застрелиться в голову, то во сне стреляет в грудь, в сердце, не убивая мёртвого мира сознания, от которого хотел избавиться.

Нетипично для утопии отсутствие науки и внимания к труду: *«Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка»*. Вспомним, что у Томаса Мора труд – одна из важнейших составляющих счастливой жизни. В «Утопии» появляется даже особая должность сифогрантов, назначение которых *«состоит в заботе и*

наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом».

Утопия представляет собой некий художественно изложенный проект, план идеального общества, и следовательно, направлена в будущее. «Утопия» сна смешного человека в этом смысле гораздо сложнее. С одной стороны, мир, куда попадает смешной человек, – это земля до грехопадения, то есть своеобразный вариант Эдема. Таким образом «утопия» располагается где-то в прошлом. С другой стороны, герой называет чудесный мир «золотым веком». Такое определение, казалось бы, тоже должно отсылать к прошлому, однако это не так. В «Дневнике писателя» за 1876 г. есть заметка «Золотой век в кармане», где высказаны мысли, во многом совпадающие с идеями «Сна смешного человека» (который также был опубликован в «Дневнике писателя», но позже). *«Беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны! Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой? И эта мощь есть в каждом из вас, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невероятною»* [Достоевский 1981: 12-13], – восклицает автор заметки. То же утверждает и смешной человек: *«Если только все захотят, то сейчас все устроится».* Фраза *«Золотой век весь впереди»* встречается в «Дневнике» ещё раз, но уже в ироническом контексте. Идею о будущем «золотом веке» Достоевский воспринял через социалистов-утопистов, эта мысль звучит, в частности, у Сен-Симона: *«Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас».* Разумеется, Достоевский понимал эту идею иначе: грядущий «золотой век» мог «устроиться» только после внутренней перемены в людях, подобной той, что произошла со смешным человеком.

Таким образом, однозначно назвать сон смешного человека утопией затруднительно, несмотря на то, что часть его занимает описание идеального общества, находящегося на далёкой неизвестной звезде, то есть, буквально, «благого места, которого нет». Если для жанра утопии целью является само описание подобного общества, то в «Сне смешного человека» это описание служит другим целям, а само идеальное общество имеет ряд отличий от описанных в классических утопиях.

Окончательно разрушает утопический шаблон вторая часть сна. Именно она позволяет применить термин «антиутопия».

Общество, которое только что было представлено как идеальное, превращается в свою противоположность. Если прежняя идиллия была связана с чувствами, то «антиутопия» пытается построить счастье на фундаменте разума. Утерянную истину предполагается найти с помощью науки, которая появилась после «грехопадения».

Возникают новые лозунги: *«сознание жизни – выше жизни, знание законов счастья – выше счастья»* [Достоевский 1983: 119]. Сам факт того, что новые идеи формулируются в виде лозунгов, заставляет вспомнить об антиутопиях XX века. В обществе, где раньше все были равны, более того – даже не задумывались о понятии «равенства», возникает рабство, начинает выстраиваться иерархия: *«Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинились охотно сильнейшим, с тем только, чтобы те помогли им давить еще слабейших, чем они сами»* [Достоевский 1983: 116]. Это тоже движение в сторону антиутопического общества с его жесткой иерархией.

После возникновения идеи о том, что нужно построить новое разумное общество, воссоздать мир радости и согласия, образуются два лагеря: «премудрых» – борцов за эту идею – и «непремудрых», не желающих идею принять или не понимающих её. Начинаются войны, и «премудрые» истребляют «непремудрых».

Вторая часть сна опровергает возможность существования утопии. Если идиллия, царившая на звезде, и напоминает рай, то только рай земной. О.А. Донских пишет, что рай в истории (а не в вечности) для Достоевского невозможен: *«Пока человек не преображен, он развратит все вокруг, разрушит любой рай. Переходного периода быть не может. Есть или рай или ад, никакого чистилища, потому что из чистилища дорога может вести только вниз, к земле, а не вверх к небу»* [Донских 2006: 76]. Об этой невозможности сам смешной человек говорит так: *«Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), – ну, а я все-таки буду проповедовать»* [Достоевский 1983: 119].

Таким образом, это сновидение можно воспринимать скорее как антиутопию, которая отрицает возможность построения счастливого рационального общества на основах разума и, возможно, отрицает даже возможность существования любого идеального мира, кроме рая. Также в тексте прослеживается ряд мотивов, которые получают развитие в антиутопиях XX века.

Поэтика видения

Ещё один жанр, черты которого можно обнаружить в рассказе «Сон смешного человека», – это средневековый жанр видения, с которым Достоевский был, несомненно, знаком. Про «Данта» и его «Божественную комедию» вспоминает Иван Карамазов в главе «Великий инквизитор»; он же рассуждает о «Хождении Богородицы по мукам» – древнерусском апокрифическом видении. Очень часто упоминается в произведениях Достоевского и Апокалипсис – Откровение Иоанна Богослова, один из образцов жанра видений.

Б.И. Ярхо даёт следующую характеристику этому жанру: «Видения, несомненно, принадлежат к дидактическим жанрам, ибо цель их – открыть читателю истины, недоступные непосредственному человеческому познанию. Формальным признаком, устанавливающим (вместе с означенной целью) природу жанра, является образ ясновидца, т.е. лица, при посредстве коего содержание видения становится известным читателю. Этот образ непременно должен обладать следующими функциями: а) он должен воспринимать содержание видения чисто духовно; б) он должен ассоциировать содержание видения с чувственными восприятиями, иными словами, содержание видения непременно должно заключать в себе чувственные образы». Исследователь уточняет, что видение должно обязательно содержать один из трех мотивов: летаргическое состояние, галлюцинации (в экстазе или бреде) или сновидение. При этом не всякое сновидение можно считать видением: все сны можно разделить на «обычные, обманчивые сны, из которых не надо делать никаких выводов» и «истинные видения, заключающие в себе долю божественной истины, для всех обязательной и для всех интересной» [Ярхо 1989: 21-22].

Смешной человек говорит: *«Они дразнят меня теперь тем, что ведь это был только сон. Но неужели не все равно, сон или нет, если сон этот возвестил мне Истину? Ведь если раз узнал истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете»* [Достоевский 1983: 109]. Если для окружающих сновидение героя – это только «сон, бред, галлюцинация», то для него самого это нечто гораздо большее, чем «только сон», и он спешит проповедовать Истину, открывшуюся ему. Таким образом, смешной человек старается отграничить свое сновидение от обычных снов.

Сон смешного человека соответствует и двум другим признакам, обозначенным выше. Во-первых, герой рассказа действительно

воспринимает содержание видения чисто духовно, так как все события сна не могли происходить в действительной, физической реальности; следовательно, нельзя считать его перемещения «чудесным путешествием». Во-вторых, смешной человек постоянно повторяет: «*я видел ее (Истину), видел своими глазами, видел всю ее славу*» [Достоевский 1983: 118].

Предметом изображения видений обычно был загробный мир. Сновидение смешного человека начинается с его самоубийства, так что всё, произошедшее после, происходит как бы «на том свете». Во время полета с таинственным проводником, возносящим его к звёздам, герой удивляется: «*А, стало быть, есть и за гробом жизнь!*» [Достоевский 1983: 110].

О создании, несущем смешного человека сквозь звёздные пространства, нужно сказать отдельно. «Он (визионер) имеет спутника, сопровождающего его в загробных странствиях», – пишет А.Б. Соболева. Спутник ясновидца – всегда существо иномирное, представитель «того света» [Соболева 2013: 10]. Смешной человек описывает возносящее его создание как «тёмное и неизвестное существо», которое «имело как бы лик человеческий». «Тёмное существо» знает не только о цели «путешествия», но и о том, чем оно кончится: «*Увидишь все, – ответил мой спутник, и какая-то печаль послышалась в его слове*» [Достоевский 1983: 111].

Душа средневекового визионера проходила через рай и ад, созерцая вечное блаженство праведников и ужасаясь мукам грешников. Сон смешного человека имеет подобную двусоставную структуру: сначала герой попадает в чудесный мир всеобщей радости – «рай», после оказывается в мире страдания, горя и скорби – в «аду». Разумеется, обозначать две части сна смешного человека как «рай» и «ад» можно только условно. Мы уже упоминали о том, что идиллический мир, в который попадает герой, отсылает или к «золотому веку», или к райскому саду. Его обитатели мало напоминают бесплотные души, а сама «утопия» очень непрочна, если её способен разрушить появление чужака. «Ад» тоже оказывается гораздо более земным и обыкновенным, чем ад средневековых видений: в нём нет ни огненных рек, ни вечной зимы, ни подвешенных за язык грешников. Кошмар, который наблюдает смешной человек, гораздо больше напоминает привычную земную реальность, негативные стороны которой несколько гиперболизированы. Для средневекового видения невозможен и тот факт, что страдающими грешниками «ада» становятся недавние праведники «рая».

Таким образом, «Сон смешного человека» структурно схож с произведениями средневекового жанра видений. Герой, ведомый неким высшим существом, во сне возносится в иной, загробный мир, где он видит картины райского блаженства и адских мучений, и в результате видения герой постигает некую божественную Истину. Конечно, рассказ имеет и ряд отличий от средневековых видений. Во-первых, рай и ад в видениях строго разграничены, в то время как во сне смешного человека «адам» становится бывший «рай», а страдающими грешниками – вчерашние праведники. Во-вторых, и «рай», и «ад» сна смешного человека можно называть так лишь условно, так как они больше напоминают земную, человеческую действительность, чем владения Бога и дьявола. В-третьих, смешной человек – герой активный: он, в отличие от визионера, не просто созерцает мир, в который попал, но и определяет его судьбу.

Отметим, что «Сон смешного человека» похож скорее на западноевропейские, католические образцы видений (именно им посвящена работа Б.И. Ярхо, к которой мы обращались). Несмотря на то, что к католицизму Достоевский относился критически, жанровая форма европейского видения используется им не иронически, не пародийно: смешному человеку сон открывает ту же божественную истину, что и визионерам. Возможно, обращение к этой литературной традиции связано в данном случае с самим героем. Смешному человеку, разочаровавшемуся в жизни и в силе разума (*«добро бы я разрешил вопросы; о, ни одного не разрешил, а сколько их было?»*), дается видение не религиозное: рай в нем напоминает социалистическую утопию, а вознесение в него – космическое путешествие.

Итак, рассмотрев некоторые особенности рассказа, мы можем сделать следующий вывод: в рассказе действительно сочетаются черты разных жанров, но ни один из них нельзя считать основным.

«Сон смешного человека» не является утопией, так как Достоевский не предлагает проект идеального общества, а, напротив, скорее опровергает существующие шаблоны. Исходя из этого, можно называть рассказ антиутопией, однако разоблачение утопии – лишь одна из целей автора, причем вряд ли основная. К тому же формально жанр антиутопии окончательно складывается лишь к XX веку. Кроме двух этих жанров мы рассмотрели ещё один, ранее не отмеченный исследователями: видение. В рассказе явно видна структура европейских средневековых видений; несмотря на то, что автор наполняет её новым содержанием, нельзя говорить о том, что форма

используется пародийно: герою рассказа дается откровение, подобное тем, что давалось и визионерам.

ЛИТЕРАТУРА

Донских О.А. Странный рай Достоевского (по мотивам «Сна смешного человека») // Критика и семиотика. – 2006. – № 9.– С.51 – 77.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 22. – Л. : Наука, 1981.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 25. – Л. : Наука, 1983.

Кампанелла Т. Город солнца – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 228 с.

Мельникова С.Ф. Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова: дис. канд. филол. наук: 10.01.01 – М. – 2002. – 164 с.

Мор Т. Утопия – М. : Наука, 1978. – 414 с.

Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропозитика русских писателей: Монография. – Алматы : Жазушы, 2013.– 520 с.

Соболева А.Б. Жанр видений в древнерусской литературе (на материале Азбучного патерика) [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. – Вып. 4. : Поэтика фантастического. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013 – 460 с. Режим доступа: <http://poetica.pro/konf/2013-2/ASob.pdf>

Червинская О.В. "Смешной" человек Ф.М. Достоевского в жанровой перспективе текста [Электронный ресурс] // Русская литература. Исследования. – 2012. – Вып. 16. – С. 86-102. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/rli_2012_16_10.pdf

Ярхо Б.И. Средневековые латинские видения // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. – М. : Наука, 1989. – Вып. 4. – С. 21-55.

Статья рекомендована к.ф.н., доц. Д.В. Долгушиным